

Годій и Леокрытъ. *Паросцы*—Айѣтій, Файнеклъ, Дексисѣей, Алкимахъ, Дейнархъ, Метонъ, Тимей (стр. 60) Тимесіанаекъ, Эвмойръ и Оимаридъ. *Локрійцы*—Гиттій (?)¹⁾, Ксенонъ (срв. гл. 21 А 3?), Филодамъ, Эветъ, Эвдикъ, Сѣенонидъ, Сосистратъ, Эвѣинусъ, Залевкъ и Тимаресъ. *Посидонцы*—Аѣамъ, Симъ, Проксенъ, Краной, Мѣѣсъ, Баѣилай и Федонъ. *Левканійцы*—братья Оккелъ (стр. 59) и Оккилъ, Оресандръ, Керамбъ, Дарданей и Маліонъ. *Аргивяне*—Гиппомедонъ, Тимосѣенъ, Эвелеонъ, Орасидамъ, Критонъ и Поликторъ. *Лакедемоняне*—Автохаридъ, Клеаноръ и Эврикратъ. *Гипербореецъ*—Абарисъ. *Регинцы*—Аристидъ, Демосѣенъ, Аристократъ, Фитій, Геликаонъ, Мнесибулъ, Гиппархидъ, Эвѣосіонъ (?)²⁾, Эвѣиклъ, Опсимъ (стр. 42), Калаисъ и Селиунтій. *Сиразяне*—Лептинъ, Финтій, Дамонъ (стр. 64). *Самосцы*—Мелиссъ (гл. 20), Лаконъ, Архиппъ, Глориппъ, Гелорисъ и Гиппонъ (стр. 7). *Кавлоніаты*—Каллибротъ, Диконъ, Настъ, Дримонъ и Ксентъ. *Фліунтійцы*—Діоклъ, Эхекратъ (стр. 63), Полимнастъ, Фантонъ (стр. 63). *Оикіонцы*—Полиадъ, Демонъ, Стратій и Сосѣенъ. *Киренцы*—Проръ (стр. 63), Меланиппъ (срв. 45 Е 1, стихъ 15), Аристангелъ, Теоdorfъ (стр. 21). *Кизикенцы*—Пиеодоръ (не=19 А 4). Гиппосѣенъ, Буѣеръ и Ксенофилъ (стр. 62). *Катанцы*—Харондъ и Лисіадъ. *Коринѣянинъ*—Хритиппъ. *Тирренецъ*—Навсисѣей. *Аѣинянинъ*—Неокритъ. *Понтіецъ*—Лирамъ. Всѣхъ 218.

Пиеагорейскія же женщины самыя славныя—Тимюха, жена кротонца Милліа; Фильтѣсъ, дочь кротонца Теофріа; Бюндаку, сестра левканійцевъ Оккела и Эккела; Хейлонисъ, дочь лакедемонянина Хилона; лакедемонянка Кратесиклея, жена лакедемонянина Клеанора; Оѣано, жена метапонтинца Бротина (гл. 7); Мѣѣя, жена кротонца Милона; аркадянка Ласѣенея; Габротелея, дочь тарентинца Габротела; фліунтійка Эхекратея; сибаритка Тирсенисъ; тарентинка Писирроде; лакедемонянка Нисѣеадуса (?); аргивянка Бѣйо, аргивянка Бабелюка; Клеаѣхма, сестра лакедемонянина Автохарида. Всѣхъ 17.

В. Анонимные пиеагорейцы по древнеперипатетической традиціи.

Срв. Аристотель: „Противъ пиеагорейцевъ“ одна книга и „О пиеагорейцахъ“ одна книга, Діогенъ V 25.

1. *Проклъ in Euclid. 65, 15 Friedl.* (послѣ гл. 4, 6а; см. стр. 70 первой части) Послѣ же нихъ Пиеагоръ преобразовалъ геометрію, придавъ ей форму свободной науки, разсматривая ея принципы чисто абстрактнымъ образомъ и изслѣдуя теоремы съ нематеріальной, интеллектуальной точки зрѣнія. Именно, онъ нашелъ теорію ирраціональныхъ ко-

¹⁾ Питтій Rohde.

²⁾ Эвѣосіонъ Rohde.

личествъ и открылъ конструкцію космическихъ фигуръ. Послѣ него занимался многими (вопросами). относящимися къ геометріи, Анаксагоръ Клазоменскій и Энопидъ Хіосскій, который былъ немного моложе Анаксагора (гл. 29, см. стр. 16)... За ними Гиппократъ Хіосскій, открывшій квадратуру луночки (гл. 30, 3) и Θεодоръ Киренскій (гл. 31) прославились въ геометріи. А именно, Гиппократъ первый изъ упоминаемыхъ (здесь) написалъ „Элементы“. Жившій же послѣ нихъ Платонъ... въ это же время жилъ и Леодамъ Θасійскій, и Архитъ Тарентинскій и аеинянинъ Теететъ, которые умножили теоремы и довели ихъ до болѣе научнаго состоянія.

2. *Стобей I 1 pr. 6* Изъ сочиненія Аристоксена: „Объ арифметикѣ“. Пиеагоръ, кажется, цѣнилъ занятіе числами болѣе всего и онъ подвинулъ впередъ (эту науку), освободивъ ее отъ служенія дѣлу купцовъ и уподобляя всѣ вещи числамъ. Дѣло въ томъ, что число владѣетъ (всѣми) прочими (вещами) и существуетъ (разумное) отношеніе у всѣхъ чиселъ другъ къ другу. И одни приписываютъ изобрѣтеніе (чиселъ) однимъ, другіе другимъ; египтяне же говорятъ, что (это—) изобрѣтеніе Гермеса ¹⁾, котораго они называютъ Θооъ. Другіе же (говорятъ, что числа) были придуманы на основаніи (наблюденія надъ) божественными круговращеніями (*Филиппъ Ерп.* 978 C). Итакъ, монада есть начало числа, число же есть множество, состоящее изъ монадъ. Изъ чиселъ же четны тѣ, которыя дѣлятся на (два) равныя (части), нечетны же тѣ, которыя состоятъ изъ (двухъ) неравныхъ частей и имѣютъ середину. Такъ вотъ, по ихъ мнѣнію, въ нечетные дни бываютъ кризисы болѣзней и происходятъ перемѣны, касающіяся начала, расцвѣта и отцвѣтанія, такъ какъ нечетное число имѣетъ начало, конецъ и середину. *Срв. Аристотель М 8. 1083 b. 28.*

3. *Диодоръ ехс. X 6, 4* Каллимахъ (*срв. выше 1 А 3а, стр. 15 первой части*) сказалъ о Пиеагорѣ, что нѣкоторые изъ геометрическихъ проблемъ онъ открылъ, другія же впервые привезъ къ эллинамъ изъ Египта. (*Каллимахъ сообщаетъ это тамъ*), гдѣ онъ говоритъ, что фригіецъ Эвфорбъ открылъ... всѣ.

4. *Аристотель Metaph. А 5. 985 b. 25* (*пер. Розанова-Первова*) Въ это же (время) и (еще) раньше названныхъ философовъ (*Левкиппа и Демокрита*) такъ называемые пиеагорейцы предавшись математическимъ занятіямъ, первые выдвинули ихъ впередъ и, пропитанные ими, математическія начала стали считать за начала всего существующаго. А такъ какъ числа по (своей) природѣ суть первичныя (элементы) ихъ, въ числахъ же они, повидимому, усматривали многія сходства съ существующимъ и съ происходящимъ, гораздо болѣе, чѣмъ въ огнѣ, въ землѣ и въ водѣ, потому что такое-то проявленіе (*πάθος*) чиселъ (они считали) справедливостью, такое-то—душою и разумомъ такое-то—благоприятнымъ временемъ (для дѣйствія), словомъ сказать, и въ остальномъ подобно этому,—

¹⁾ Бога торговли.

и въ числахъ, кромѣ того, видѣли проявленія и соотношенія музыкальныхъ гармоній; далѣе, такъ какъ имъ казалось, что и въ остальномъ вся природа уподобляется числамъ, числа же суть (нѣчто) первоначальное сравнительно со всею природою, то въ виду всего этого они предположили, что элементы чиселъ суть элементы всѣхъ существъ и что цѣлое небо есть гармонія и число. И все, что имѣли указать въ числахъ и въ гармоніяхъ соотвѣтственнаго съ движеніемъ и съ частями неба и съ цѣлымъ міроустройствомъ, все это собирая они прилагали къ дѣлу. А если чего гдѣ не доставало, они старались пополнить, чтобы ученіе у нихъ было связнымъ цѣлымъ. Приведу примѣръ: такъ какъ десятокъ кажется (чѣмъ-то) совершеннымъ и охватываетъ всю природу чиселъ, то они утверждаютъ, что и несущихся по небесному своду (тѣлѣ) десять; а такъ какъ видимо только девять, то они дѣлаютъ еще десятое, противолежащее землѣ. Точнѣе все это разграничено нами въ другомъ мѣстѣ.

То же въ пер. кн. С. Грубецкаго: Такъ называемые пиеагорейцы взялись за математическія науки и подвинули ихъ впередъ. Вскормленные въ этихъ наукахъ, они признали математическія начала за начала всего существующаго. Изъ такихъ началъ числа суть первыя по природѣ, и имъ, казалось, что въ числахъ они видятъ множество подобій съ вещами... такъ что данная особенность чиселъ являлась имъ какъ справедливость, другая какъ душа или разумъ, третья—какъ благопріятный случай и т. д. относительно всего остального; далѣе, свойства и отношенія музыкальной гармоніи они усматривали также въ числахъ. И такимъ образомъ, такъ какъ имъ казалось, что все прочее по природѣ своей уподобляется числамъ, а самыя числа являлись имъ первыми изъ всей природы, то они приняли, что элементы числа суть элементы всего существующаго и что все небо есть гармонія и число. И всѣ соотвѣтствія, какія они могли указать въ числахъ или гармоніяхъ съ состояніями или частями неба, или съ строеніемъ мірового цѣлаго, они собирали вмѣстѣ и согласовали другъ съ другомъ; а если гдѣ чего-нибудь не хватало, они всячески усиливались прибавить что-нибудь, дабы придать связную послѣдовательность всему своему построенію“.

Александръ къ этому мѣсту стр. 41, 1 Говоритъ же онъ объ этомъ болѣе подробно въ сочиненіи: „О небѣ“ (см. 45 В 37) и въ „Мнѣніяхъ пиеагорейцевъ“. 75, 15 О небесномъ устройствѣ, которое пиеагорейцы приписывали числамъ, онъ упоминаетъ во второй (*книгѣ сочиненія*): „О мнѣніи пиеагорейцевъ“.

(*Аристотель*) *М. Mor. А 1. 11 82 а 11* Итакъ, Пиеагоръ первый началъ говорить о добродѣтели, но неправильно. Дѣло въ томъ, что, возводя добродѣтели къ числамъ, онъ создавалъ не надлежащее ученіе о добродѣтеляхъ. Вѣдь справедливость не есть число, помноженное само на себя.

Аристотель Metaph. М 3. 1078 б 21 Раньше же пиеагорейцы (*дали опредѣленія*) нѣкоторыхъ немногихъ (*предметовъ*), понятія которыхъ они сводили къ числамъ, какъ, на примѣръ, что такое благопріятное

время, или справедливость, или бракъ, онъ же (*Демокритъ*) разумно искалъ, что такое (*та или иная вещь*). *Eth. Nic. E 8. 1132 b 21* (пер. *Э. Радлова*) Нѣкоторымъ кажется, что воздаяніе равнымъ безусловно справедливо. Это, на примѣръ, утверждали пиеагорейцы; они такъ относительно опредѣляли: справедливое состоитъ въ воздаяніи другому равнымъ.

5. *Аристотель Metaph. A 5. 986 a 15* (срв. 32 В 5) (пер. *Первова—Розанова*) Оказывается, что и они считаютъ число началомъ какъ матерію для существующаго и какъ проявленія и состоянія, элементами же числа считаютъ четное и нечетное, одно изъ нихъ принимая ограниченнымъ, другое безграничнымъ, а „единое“ состоитъ (по ихъ мнѣнію) изъ обоихъ ихъ (именно оно и четно и нечетно), число же (происходитъ) изъ единого и цѣлыя небеса, какъ сказано, суть число.

Другіе¹⁾ же изъ нихъ говорятъ, что есть десять началъ, расположенныхъ соотвѣтственно другъ другу:

конечное и безконечное
нечетное и четное
одно и множество
правое и лѣвое
мужеское и женское
покоющееся и движущееся
прямое и кривое
свѣтъ и тѣма
доброе и злое
квадратное и продолговато-четыреугольное.

Такимъ же именно образомъ, повидимому, думалъ и Алкмей Кротонскій (14 А 3); и, безъ сомнѣнія, или онъ отъ нихъ, или они отъ него заимствовали это ученіе. Вѣдь Алкмей былъ молодымъ во время старости Пиеагора, а высказывался онъ сходно съ ними (пиеагорейцами). Именно, онъ утверждаетъ, что большая часть человѣческихъ дѣлъ существуетъ двояко, приводя противоположности, разграниченныя не такъ, какъ у этихъ, но какъ попало, на примѣръ, бѣлое и черное, сладкое и горькое, доброе и злое, большое и малое. Итакъ, этотъ неопредѣленно коснулся остального, пиеагорейцы же установили, и сколько противоположностей и какія они. У послѣднихъ и у него, слѣдовательно, можно найти, что начала сущаго суть противоположности, а сколько ихъ и какія они, это нужно искать у другихъ. Однако, какимъ образомъ къ названнымъ нами причинамъ возможно свести (эти начала), все это не разграничено у нихъ ясно и послѣдовательно. Кажется, что стихіи они устанавливали въ видѣ матеріи. Именно, они утверждаютъ, что сущность состоитъ и образована изъ нихъ, какъ изъ присущихъ ей изначала.

Итакъ, изъ этого достаточно можно уразумѣть образъ мыслей древнихъ (философовъ), и притомъ признававшихъ болѣе (чѣмъ одну) стихію

¹⁾ Нашъ переводъ этого отрывка см. на стр. 205 первой части.

природы. Но есть такіе, которые относительно вселенной высказались такъ, какъ будто бы одна была природа, но не всѣ одинаково хорошо и сообразно съ дѣйствительностью. Но къ настоящему разсмотрѣнію причинныхъ основъ никоимъ образомъ не подходитъ рѣчь объ нихъ. Ибо они не какъ нѣкоторые изъ физиковъ, которые, полагая сущее единымъ, однако все производятъ изъ него, какъ изъ матеріи, но иначе учатъ. Именно тѣ придаютъ (сущему) движеніе, заставляя все происходить, а эти утверждаютъ, что оно неподвижно.

6. *Аристотель Eth. Nic. (пер. Э. Радлова) А 4. 1096 б 5* Въ этомъ случаѣ пифагорейцы учили, какъ кажется, болѣе правдоподобно, полагая и единое въ число благъ.

7. — — *В 5. 1106 б 29* Зло безпредѣльно, какъ картинно выражались пифагорейцы, а добро ограничено.

8. *Аристотель Metaph. А 5. 987а 9 (пер. Первова — Розанова)* Итакъ, до италиковъ и кромѣ нихъ прочіе слишкомъ немного высказывались о двухъ началахъ, исключая того, что, какъ мы сказали, они пользовались двумя причинами, и изъ нихъ вторую, то-есть, причину движенія, принимали то за одну, то за двѣ. Что же касается пифагорейцевъ, то они точно такъ же признавали два начала, но они прибавили—это и составляетъ ихъ отличительную особенность—что ограниченное, безпредѣльное, единое не суть каждое особою природою, какъ, напримѣръ, огонь, земля или иное что подобное, но что само безпредѣльное и само единое есть сущность того, чему они приписываются какъ атрибуты. Вслѣдствіе этого сущность всего и есть число. Высказавшись такимъ образомъ по этимъ вопросамъ, они начали рассуждать и опредѣлять, что есть вещь сама по себѣ, но занимались этимъ слишкомъ безыскусно. Ибо они въ своихъ опредѣленіяхъ были поверхностны. и въ чемъ первомъ оказывалось данное опредѣленіе, то и считали они сущностью вещи, подобно тому какъ если бы кто думалъ, что двойное и два одно и то же, основываясь на томъ, что въ основѣ двухъ лежитъ прежде всего двойное. Но вѣдь быть двойнымъ и двумя бываетъ, я думаю, не одно и то же. Если же не принимать этого въ расчетъ, то одно станетъ многимъ; какъ это и случилось у нихъ. *Срв. тамъ же В 5. 1002а 8.*

9. *Аристотель Metaph. М 6. 1080 б 16* Пифагорейцы же знаютъ одно математическое (число), однако, оно (по ихъ мнѣнію) не отдѣлено (отъ вещей), но (самыя) чувственные субстанціи состоятъ изъ него. Дѣло въ томъ, что они все небо (всю вселенную) образуютъ изъ чиселъ, только не изъ монадическихъ (не изъ недѣлимыхъ единицъ), но, по ихъ мнѣнію, монады имѣютъ величину. Какимъ же образомъ первичная единица сдѣлалась имѣющей величину, (объяснить это) они, повидимому, затрудняются.

10. — — 8. 1083 б 8 Ученіе же пифагорейцевъ въ одномъ отношеніи представляетъ меньшія трудности, чѣмъ (ученіе) ранѣе упомянутыхъ, въ другомъ же отношеніи (оно заключаетъ въ себѣ) новыя, свои собственныя (трудности). Дѣло въ томъ, что признаніе числа не

отрѣшеннымъ (отъ вещей) устраняетъ многія изъ невозможныхъ (*смыслъ стѣй*); но (съ другой стороны) ученіе, что тѣла состоятъ изъ чиселъ и что это число—математическое, (*принять*) невозможно. А именно, нельзя говорить о недѣлимыхъ величинахъ, не погрѣшая противъ истины. И если дѣло вполнѣ обстоитъ такимъ образомъ, то монады не имѣютъ величины. Какимъ же образомъ возможно изъ недѣлимыхъ сложить величину (*т. е. тѣло*)? Однако, арифметическое число есть (число) математическое. Они же называютъ числомъ существующія (*вещи*). По крайней мѣрѣ, они примѣняютъ свои умозрѣнія къ тѣламъ такъ, какъ если бы послѣднія состояли изъ этихъ чиселъ.

11. — — А 7. 1072 b 30 Всѣ же тѣ, которые, какъ пифагорейцы и Спевсиппъ, полагаютъ, что самое прекрасное и самое лучшее—не въ первоначалѣ, такъ какъ хотя начала растений и животныхъ суть причины, но прекрасное и совершенное (*лишь современемъ*) развивается изъ нихъ,—неправильно думаютъ.

12. Аристотель *Metaph.* (пер. Перлова—Розанова) А 6. 987 b 12 (Говоря) же „соучастіе“, онъ (Платонъ) перемѣнилъ только названіе. Ибо пифагорейцы говорятъ, что „подражаніемъ“ числамъ существуетъ все, Платонъ же, перемѣнивъ имя, говорилъ, что „соучастіемъ“. Однако, будетъ ли то соучастіе или подражаніе видамъ, (вопросъ), каково именно оно могло бы быть, они оставили не рѣшеннымъ

13. — — 987 b 22 А что единое служить сущностью, а не другое что-либо существующее считается единымъ, это онъ (Платонъ) говорилъ сходно съ пифагорейцами; съ ними онъ согласенъ, что и числа суть причинныя основы сущности для всего прочаго. А что вмѣсто безграничнаго, какъ единого, онъ поставилъ двойственность, а безпредѣльное (выводилъ) изъ большого и малаго—это его особенность. Наконецъ, онъ утверждаетъ, что числа стоятъ рядомъ съ чувственно воспринимаемымъ, они же—что самыя вещи суть числа, и поэтому математическія понятія они не помѣщаютъ между этими (то-есть, вещами и видами). А единое и числа онъ поставилъ рядомъ съ вещами, а не какъ пифагорейцы, и ввелъ виды вслѣдствіе разсмотрѣнія вопросовъ въ рѣчахъ,—ибо предшественники его не примѣняли діалектики и т. д.

14. Теофрастъ *metaph.* 33 Платонъ же и пифагорейцы, придумавъ большую удаленность началъ, полагаютъ, что все желаетъ подражать единицѣ. Однако, они нѣкоторымъ образомъ какъ бы противопоставляютъ единицу и неопредѣленную діяду (*двоицу*), въ которой (*заключается*) безпредѣльность, беспорядочность и всякая, такъ сказать, безформенность въ себѣ. Вообще, природа вселенной не можетъ быть безъ нея, но можетъ имѣть или равныя доли (*того и другого*), или (*ея*) больше, чѣмъ другого, или (*больше*) противоположныхъ началъ. Поэтому-то и богъ, (говорятъ) всѣ тѣ, которые причину приписываютъ богу, не въ состояніи приводить все къ наилучшему (*состоянію*), но лишь насколько возможно.

15. Азѣій I 3, 8 (D. 280) Самосецъ Пифагоръ, сынъ Мнесарха, первый назвавшій философію этимъ именемъ, (признаетъ) началами

числа и заключающія въ нихъ соразмѣрности, которыя онъ называетъ также гармоніями, элементы же, называемые геометрическими, (онъ *считаетъ*) состоящими изъ тѣхъ и другихъ (началъ). Опять же (онъ *принимаетъ*) въ началахъ монаду и неопредѣленную діаду. Одно изъ началъ у него устремляется къ дѣйствующей и видовой причинѣ, каковая есть богъ—умъ, другая же (относится) къ причинѣ страдательной и матеріальной, каковая есть видимый міръ. Природа же числа—десять. Ибо всѣ эллины и всѣ варвары считаютъ до десяти, дойдя же до этого (числа), они снова возвращаются къ единицѣ. И опять, говорятъ они, потенція десяти заключается въ четырехъ и четверкѣ. Причина же (этого слѣдующая). Если, начиная съ единицы, прибавлять послѣдовательно числа до четырехъ включительно, то получишь число 10. Если же перешагнуть черезъ число четверки, то перейдешь и черезъ 10. Такъ, если взять единицу и прибавить (къ ней) 2, 3 и 4, то получится число 10. Такимъ образомъ, число по монадѣ (*заключается*) въ 10, по потенціи же—въ 4. Поэтому-то пифагорейцы произносили четверку, какъ величайшую клятву:

„Нѣтъ, клянусь передавшимъ нашей головѣ четверицу, заключающую (въ себѣ) источникъ и корень неизсякаемой природы“.

И наша душа, говорятъ они, состоитъ изъ четверицы. Ибо она есть умъ, знаніе, мнѣніе и ощущеніе, изъ которыхъ (*возникаютъ*) все искусство и наука и (*благодаря которымъ*) мы сами разумны и т. д. *Срв. 32 А 13 и Θεонъ стр. 97, 14 Hill.*

16. (*Аристотель*) *Probl. 15, 3. 910 b 36* О декадѣ. Или потому что въ десяти пропорціяхъ завершаются 4 кубическихъ числа, изъ которыхъ, по ученію пифагорейцевъ, состоитъ вселенная.

17 *Аристотель de caelo A I. 268a 10* Ибо, подобно тому какъ утверждаютъ и пифагорейцы, все и вся опредѣлены числомъ 3. И дѣйствительно, конецъ, середина и начало обладаютъ числомъ всего, а это—число троицы.

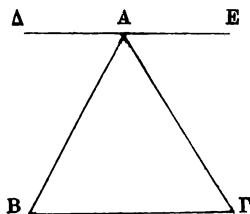
18. *Эвдемъ fr. 83 (Πορφύριος къ Πτολεμαῖοι Harm. I 7 p. 288, 4 Wall.)* Въ первой книгѣ „Исторіи аримететики“ онъ говоритъ о пифагорейцахъ дословно слѣдующее: „Притомъ же отношенія трехъ созвучій: кварты, квинты и октавы лежатъ въ (предѣлахъ) первой девятки. Ибо 2, 3 и 4 (даютъ въ суммѣ) 9.“

19. *Проклъ къ Эвклиду I 47 стр. 426, 6 Fr.* (Въ прямоугольныхъ треугольникахъ квадратъ, построенный на гипотенузѣ, равенъ суммѣ квадратовъ, построенныхъ на катетахъ). Можно найти слышавшихъ (разсказы) любителей повѣтствовать о старинѣ, которые возводили эту теорему къ Пифагору и говорили, что онъ по поводу открытія ея принесъ въ жертву быковъ.

20. — — *къ Эвклиду I 44 стр. 419, 15* (На данной прямой у угла, который равенъ данному плоскому углу, начертить параллелограмъ, равный данному треугольнику). Какъ говорятъ послѣдователи Эвдема, эти открытія древнія и даже принадлежатъ (*еще*) пифагорейской наукѣ,

(а именно, последней принадлежит) сравненіе (площадей) геометрическихъ фигуръ и установленіе, какая изъ нихъ больше и какая меньше.

21. — — къ *Эвклиду* I 32, стр. 379, 2 (Во всякомъ треугольникѣ, если продолжить одну изъ сторонъ, то внѣшній уголъ равенъ двумъ внутреннимъ, лежащимъ напротивъ, и три внутреннихъ угла треугольника равны двумъ прямымъ). Перипатетикъ же Эвдемъ возводитъ къ пифагорейцамъ открытіе этой теоремы, что во всякомъ треугольникѣ сумма внутреннихъ угловъ равна двумъ прямымъ, и говоритъ, что они доказывали эту (теорему) слѣдующимъ образомъ:

„Пусть будетъ (данъ) треугольникъ $AB\Gamma$ и пусть черезъ точку A будетъ проведена линія AE , параллельная $B\Gamma$. И вотъ, такъ какъ (линіи) $B\Gamma$ и AE параллельны, то и (углы) поочередно равны. Итакъ, (уголъ) ΔAB равенъ (углу) $AB\Gamma$, уголъ же EAG равенъ углу $A\Gamma B$. Пусть будетъ прибавленъ (уголъ) BAG , прилежающій къ обоимъ (упомянутымъ) угламъ. Итакъ, углы ΔAB , BAG и GAE , то-есть углы ΔAB и BAE , то-есть 2 d, равны тремъ угламъ треугольника $AB\Gamma$. Слѣдовательно, три угла треугольника равны 2 d“,

22. *Аристотель Metaphys. A 8. 989 b 29* (пер. Первова—Розанова) Такимъ образомъ такъ называемые пифагорейцы пользуются своими началами и стихіями еще болѣе странно, чѣмъ физики. А это потому, что они заимствовали ихъ не изъ чувственно воспринимаемаго, такъ какъ ихъ математическія начала вещей, если не считать того, что входитъ въ область астрономіи, лишены движенія. Тѣмъ не менѣе они разсуждаютъ и учатъ обо всемъ въ природѣ. И дѣйствительно, они создаютъ теорію неба, они постоянно наблюдаютъ, что происходитъ въ его частяхъ, превращеніяхъ и дѣйствіяхъ, они тратятъ на это всѣ свои начала и причины, какъ бы соглашаясь съ прочими физиками, что сущее—это только то, что воспринимается чувствами и обнято тѣмъ, что они называютъ небомъ. Но причины и начала, принимаемыя ими, способны, какъ мы сказали, поднять насъ къ уразумѣнію и того, что выше существующаго, и они скорѣе приложимы (къ этому), чѣмъ къ вопросамъ о природѣ. Однакоже пифагорейцы ничего не говорятъ по вопросу о томъ, какимъ же образомъ возникаетъ движеніе, если подставить только принятыя ими начала: конечнаго и безпредѣльнаго, неравнаго и равнаго, или какъ возможно происхожденіе и уничтоженіе безъ движенія и перемѣны, какъ возможны явленія въ (тѣлахъ), несущихся по небу. Если даже, кто, уступая, согласится съ ними, что изъ этихъ началъ объясня-

ется величина тѣлъ, или если бъ это было (у нихъ) доказано, все-таки остается вопросъ, какимъ образомъ одни изъ тѣлъ легки, другія имѣютъ тяжесть: вѣдь изъ ихъ предположеній и ученія не видно, чтобы они приписывали эти свойства математическимъ вещамъ, какъ и чувственно воспринимаемому, и даже болѣе. Поэтому объ огнѣ, землѣ, или другихъ подобныхъ тѣлахъ они вовсе ничего не сказали, такъ какъ на счетъ чувственно воспринимаемаго они, думаю, не имѣли никакой особой теоріи. И потомъ, какъ нужно понять, что проявленія числа и самое число суть причины того, что существуетъ и происходитъ въ небесахъ какъ искони, такъ и теперь, а межъ тѣмъ другого числа нѣтъ помимо того числа, изъ котораго составилъ міръ? Въ самомъ дѣлѣ, когда въ такой-то части (неба) оказывается у нихъ „мнѣніе“¹⁾ и „удобный случай“, а немного выше или ниже „несправедливость“, „раздѣленіе“ или „смѣшеніе“, когда они приводятъ доказательство, что въ отдѣльности каждое изъ этого есть число, то выходитъ, что на этомъ же самомъ мѣстѣ есть уже множество занимающихъ (это мѣсто) величинъ, потому что эти проявленія (чиселъ) соотвѣтствуютъ каждому мѣсту въ отдѣльности; (если же такъ), то это ли самое число, которое обнимаетъ небо, должно принять за каждую изъ этихъ вещей, или другое помимо этого? *Срв. N 3. 1090a 20.*

23. *Аристотель Metaphys. Z 2. 1028 b 16* Нѣкоторые же полагаютъ, что границы тѣла, а именно, поверхность, линія, точка и монада, суть сущности, и (*притомъ*) въ большей степени, чѣмъ тѣло и твердое. Далѣе, нѣкоторые полагаютъ, что ничего такого нѣтъ внѣ чувственнаго міра, другіе же (*держатся того мнѣнія*), что сущаго больше и есть сущее въ большей степени—вѣчное, какъ, напримѣръ, Платонъ (*принимаетъ*) идеи и т. д.

24. — — *N 3. 1090 b 5* Нѣкоторые же полагаютъ, что такія природы необходимо существуютъ, (*исходя*) изъ того, что точка есть предѣлъ и конецъ линіи, линія—плоскости и плоскость—тѣла.

25. — — *Z 11. 1036 b 8* Нѣкоторые чувствуютъ затрудненіе уже при (*объясненіи*) круга и треугольника, полагая, что не подобаетъ опредѣлять ихъ линіями и непрерывнымъ, но обо всемъ этомъ (*должно*) говорить такъ, какъ если бы (*пришлось опредѣлять*) тѣло или кости человѣка и мѣдъ и камень статуи. И они все возводятъ къ числамъ и говорятъ, что понятіе линіи есть понятіе двухъ.

26. — — *N 3. 1091a 13* Итакъ, вовсе не должно быть сомнѣнія относительно того, признаютъ или не признаютъ пифагорейцы возникновеніе. Ибо они ясно говорятъ, что послѣ того какъ образовалась единица, изъ плоскостей ли или изъ цвѣта или изъ смѣни или изъ (*чего-нибудь*), что они (*сами*) затрудняются назвать, тотчасъ ближайшая часть безпредѣльнаго стала притягиваться и ограничиваться предѣломъ. Но такъ

¹⁾ По комментарію Александра (74, 18) „мнѣніе“=2, „удобный случай“=7, „несправедливость“=5, „раздѣленіе“=4.

какъ они объясняютъ (такимъ образомъ) возникновеніе космоса и хотятъ излагать (это) съ естественнонаучной точки зрѣнія, то надлежитъ изслѣдовать (это) ихъ (ученіе) въ физикѣ, въ настоящемъ же изслѣдованіи оставить безъ разсмотрѣнія... Итакъ, они не говорятъ о возникновеніи нечета, такъ какъ ясно, что возникновеніе относится къ чету.

27. — — N 6. 1092 б 26 Пожалуй, кто-нибудь съ недоумѣніемъ спросить также, что такое благо, (получающееся) отъ чиселъ вслѣдствіе того, что смѣсь заключается въ числѣ—или удобосчитаемомъ (дѣлимомъ), или нечетномъ. Вѣдь на самомъ дѣлѣ трижды три разбавленный водою медь нисколько не полезнѣе для здоровія, но, пожалуй, болѣе полезенъ былъ бы (медь), (сильно) разбавленный водою безъ соблюденія опредѣленнаго числового отношенія, нежели незначительно разбавленный по опредѣленному числу. Притомъ отношенія смѣсей заключаются въ сложении чиселъ, а не въ числахъ, какъ, на примѣръ, $3+2$, а не 3×2 . Ибо при умноженіяхъ родъ долженъ оставаться тѣмъ же самымъ. Такимъ образомъ рядъ (производителей) АВГ долженъ измѣряться (множимымъ) А и рядъ ΔΕΖ (множимымъ) Δ. Такимъ образомъ всѣ (произведенія) (измѣряются) тѣмъ же самымъ (т. е. первымъ производителемъ). Слѣдовательно, не можетъ (рядъ) ВЕГZ быть (числомъ) огня и 2×3 числомъ воды¹⁾. Если же всѣ (вещи) должны участвовать въ числѣ, то многія (различныя вещи) должны оказываться (въ концѣ концовъ) тождественными, и одно и то же число (относиться къ) той и другой (вещи)²⁾. Итакъ есть ли это (участіе въ числѣ) причиной и вслѣдствіе этого есть вещь (тѣмъ, что она есть), или остается неясность? Такъ, на примѣръ, есть нѣкоторое число для движеній солнца, и другое для движеній луны, и для жизни и вѣка каждаго изъ животныхъ. Итакъ, что мѣшаетъ нѣкоторымъ изъ этихъ (чиселъ) быть квадратными, другимъ кубическими, однимъ равными, другимъ вдвое большими? Вѣдь (не только) ничто не мѣшаетъ, но (даже) необходимо возвращаться въ этихъ (видахъ чиселъ), если всѣ (вещи) участвуютъ въ числѣ и различныя (вещи) могутъ попадать подъ одно и то же число. Такимъ образомъ, если нѣкоторымъ (вещамъ) пришлось одно и то же число, то, имѣя одинъ и тотъ же видъ числа, онѣ были бы тождественны между собой; такъ, на примѣръ, солнце и луна были бы тождественны³⁾. Однако, почему числѣ—причины? (Есть) семь гласныхъ, семь струнъ или гармоній, семь плеядъ; въ семилѣтнемъ возрастѣ мѣняютъ зубы (нѣкоторые животныя, другія же не мѣняютъ⁴⁾),

¹⁾ Рядъ ВЕГZ= $2 \times 5 \times 3 \times 7=210$. Аристотель говоритъ, что огонь и воду нельзя представить посредствомъ одного и того же множимаго, на примѣръ, 2×105 =огонь, 2×3 =вода, такъ какъ въ такомъ случаѣ они будутъ качественно однородны.

²⁾ Согласно 1084а 17, мірообразующія числа—первые десять; только они должны выразить все разнообразіе вещей.

³⁾ Солнце и луна, согласно XII, 8, имѣютъ равное число сферъ, служащихъ ихъ движенію.

⁴⁾ Поставленные въ скобкахъ слова заключаютъ въ себѣ возраженіе Аристотеля.

семь (*героевъ*) было подъ Оивами¹⁾. Итакъ, оттого ли, что существуетъ со своими опредѣленными свойствами это именно число, ихъ (*оиванскихъ героевъ*) было семь и плеяда состоитъ изъ семи звѣздъ? Или (число) ихъ (*оиванскихъ героевъ*) зависѣло отъ (числа) воротъ (города) или отъ другой какой-либо причины, число же (*звѣздъ въ плеядахъ*) таково, такъ какъ мы такъ считаемъ? Въ Медвѣдицѣ же (*мы насчитываемъ*) двѣнадцать (*звѣздъ*), другія же—больше. Также говорятъ они, что (буквы) Э (кси), Ψ (пси) и Ζ (дзета) суть созвучія, и, такъ какъ тѣхъ (*главныхъ созвучій*)²⁾—три, то и ихъ (*такихъ буквъ*)—три. Что такихъ (*буквъ*) могло бы быть безконечное число, это (ихъ) нисколько не безпокоить. Въѣдъ и дѣя (*сочетанія*) Γ и Ρ могъ бы быть одинъ (*письменный*) знакъ (*Но только*) каждая (*изъ трехъ упомянутыхъ двойныхъ буквъ*) равна двумъ (*буквамъ*) изъ (числа) остальныхъ простыхъ и (никакая) другая не (*обладаетъ этимъ свойствомъ*). Причина этого та, что (*въ органѣ рѣчи*) есть три мѣста (*части*)³⁾ и у каждого (*изъ нихъ*) звукъ С соединяется съ однимъ (*звукомъ*)⁴⁾. Вотъ почему (*такихъ буквъ*) только три, а не потому, что созвучій—три, такъ какъ даже созвучій больше Здѣсь же не можетъ быть больше (*такихъ буквъ*). Они (*эти люди*) подобны древнимъ толкователямъ Гомера, которые видятъ малыя сходства, значительныхъ же не усматриваютъ. Нѣкоторые же говорятъ, что есть много такого, какъ, на примѣръ, изъ (*двухъ*) среднихъ (*струнъ*) одна имѣетъ девять тоновъ, другая—восемь, и эпическій стихъ (*дактилическій гекзаметръ*) имѣетъ 17 слоговъ, будучи равенъ имъ по числу. Скандуя (*эпическій стихъ*), (мы) получаемъ въ правой части девять слоговъ, въ лѣвой восемь⁵⁾. И въ алфавитѣ (*говорятъ они*) разстояніе отъ альфы до омеги равно (*разстоянію*) отъ самаго низкаго до самаго высокаго тона во флейтахъ. Число его (*этого наивысшаго тона?*)⁶⁾ равно числу

¹⁾ Срв. стр. XV слѣд. первой части, а также 12 В 126а.

²⁾ Три главныхъ созвучій: 1) кварта (συλλαβά Филолай 32 В 6, позже наз. διά τεσσάρων), 2) квинта (δι' ὀκταίδων Филолай, позже διά πέντε), 3) октава (ἀρμονία Филолай, позже διά πλῆθους). Такъ какъ три двойныхъ согласныхъ также назывались συμφωνίαι, то отсюда пиеагорейцы выводили тройное число ΕΨΖ, между тѣмъ какъ имѣется множество двойныхъ согласныхъ, которыя можно представить однимъ письменнымъ знакомъ.

³⁾ Горланъ, зубы и губы.

⁴⁾ Срв. Сирианъ къ этому мѣсту р. 191, 28 Kroll. Такъ какъ есть три мѣста произношенія (*звуковъ*), то вслѣдствіе этого у каждого (*изъ нихъ*) одинъ (*такой двойной звукъ*) получается. Такъ же разсуждалъ и Архинъ (*который ввелъ іонійскую орфографію*), какъ сообщаетъ Теофрастъ. Архинъ говорилъ, что звукъ произносится или наружу вслѣдствіе сжатія губъ, какъ звукъ π (п), и поэтому φ (ф) порождается у кончика языка, такъ какъ оно состоитъ изъ π и σ. Или (*звукъ произносится*) широкою (*частью*) языка, приближаемаго къ зубамъ, какъ звукъ δ (д), и поэтому ζ (з) порождается въ этомъ мѣстѣ. Или (*наконецъ, звукъ произносится*) согнутымъ (*языкомъ*), сжимаемымъ отъ крайняго конца, какъ звукъ ж, откуда выходитъ (*звукъ*) ξ (кс)^а.

⁵⁾ Женская цезура дѣлитъ чисто дактилическій гекзаметръ на лѣвую половину (8 слоговъ) и правую (9 слоговъ).

⁶⁾ Здѣсь неясность. По объясненію Псевдо-Александра, число, о которомъ здѣсь говорится, есть „совокупность 24 элементовъ“: 12 знаковъ водіака+8 небесныхъ сферъ +4 элемента.

цѣлаго неба. Должно же понимать, что ни для кого, пожалуй, не поставило бы трудностей высказывать и находить такого рода (*соотвѣтствія*) въ вѣчныхъ (*вещяхъ*), такъ такъ (*они легко отыскиваются*) въ (*вещяхъ*) преходящихъ. Но хвалимыя природы въ числахъ и противоположность ихъ (*приносящія несчастія*) и вообще то, что составляетъ предметъ математики, какъ говорятъ (*объ этомъ*) нѣкоторые, считающіе (*ихъ*) причинами природы, не имѣютъ, какъ кажется, такого значенія съ нашей точки зрѣнія. Дѣло въ томъ, что ничто изъ нихъ не является причиной ни въ одномъ изъ видовъ послѣдней, опредѣленныхъ нами относительно началъ. Однако, нѣкоторымъ образомъ они показываютъ (*намъ*), что (*дѣйствительно*) существуетъ гармонія и что принадлежатъ къ ряду прекраснаго нечетъ, прямая линія и число, само на себя помноженное (потенціи нѣкоторыхъ чиселъ). А именно, времена года и такое число подобны ¹⁾. И все прочее, что получаютъ изъ математическихъ ученій, имѣетъ эту силу. Поэтому-то (*все*) похоже на случаи ²⁾. И въ самомъ дѣлѣ, (*все это*) случайно; однако, все родственно другъ другу и аналогичное едино. Вѣдь аналогія находится въ каждой категоріи бытія: какова прямизна въ длинѣ, такова ровность въ ширинѣ; равнымъ образомъ въ числѣ нечетъ, въ цвѣтѣ бѣлизна.

28. *Аристотель phys. Г 4. 203а 1* А именно, всѣ тѣ, которые, какъ кажется, достойнымъ образомъ занялись такой философіей, дали ученіе о безпредѣльномъ и всѣ они полагаютъ (его) въ качествѣ нѣкотораго начала бытія, одни, какъ пифагорейцы и Платонъ, (*считаютъ началомъ безпредѣльное*) само по себѣ, а не какъ акциденцію чего-нибудь другого, но (*по ихъ мнѣнію*) само безпредѣльное есть субстанція. Врочемъ, пифагорейцы (*полагаютъ его*) въ чувственныхъ (*вещяхъ*) (ибо они считаютъ число не отрѣшеннымъ отъ чувственныхъ вещей) и думаютъ, что (*пространство*) по ту сторону неба безпредѣльно... И они (говорятъ), что безпредѣльное четно. Ибо оно, будучи заключаемо и ограничиваемо нечетнымъ, доставляетъ сущему безпредѣльность. Доказательствомъ же этому служить то, что происходитъ съ числами. А именно, когда гномоны налагаются на единицу и отдѣльно, то иногда возникаетъ постоянно новый видъ, иногда же (*остается*) одинъ. *Срв. Плутархъ (?) Стобей есл. I pr. 10 p. 22, 16 W* Когда налагаются на единицу по порядку нечетные гномоны, то всегда получается квадратъ ³⁾. Когда же налагаются подобнымъ образомъ четные (гномоны), то всѣ (*числа*) получаютъ продолговатыхъ (*т. е. происходящія отъ двухъ неравныхъ множителей*) и неравныя, квадрата же (*не получается*) ни одного. *Симплицій phys. (къ этому мѣсту) 455, 20* Они (*пифагорейцы*) говорили, что безконечное (есть) четное число вслѣдствіе того, что, какъ говорятъ истолкователи,

¹⁾ Именно, времена года, подобно числу $4=2 \times 2$, суть квадратъ и потому прекрасны.

²⁾ Т. е. всюду кажутся случайныя совпаденія.

³⁾ Т. е. $1^2+3=2^2$; $2^2+5=3^2$; $3^2+7=4^2$ и т. д.

цѣлое четное (число) дѣлится на равныя (части), дѣлимое же на равныя части (есть) безконечное по дихотоміи. Ибо дѣленіе на равныя части и на половины (*идетъ*) до безконечности. Прибавленіе же (*къ нему*) нечетнаго ограничиваетъ его. Дѣло въ томъ, что оно препятствуетъ дѣленію его на равныя (части)... Очевидно, что они получаютъ дѣленіе до безконечности не у чиселъ, но у величинъ.

29. *Аристотель phys. Г 5. 204a 29* Итакъ, безпредѣльное существуетъ какъ акциденція. А разъ такъ, то, какъ выше сказано, его нельзя называть началомъ, но (*начало есть*) то, чего оно является акциденціей: воздухъ или четъ. Такимъ образомъ негѣпости, пожалуй, высказываютъ тѣ, которые говорятъ такъ, какъ пифагорейцы. Вѣдь они одновременно дѣлаютъ безпредѣльное субстанціей и дѣлятъ (его).

30 — — *А 6. 213 b 22* И пифагорейцы говорили, что существуетъ пустота и что входитъ изъ безпредѣльнаго дыханіе и пустота въ самое небо, которое какъ бы дышитъ. (*Эта входящая пустота*) раздѣляетъ естества, такъ какъ-де пустота есть нѣкоторое раздѣленіе рядомъ лежащихъ (*вещей*) и (*ихъ*) разграниченіе. И она (*пустота*) прежде всего находится въ числахъ. Ибо пустота разграничиваетъ природу ихъ. *Стобей Ecl. I 18, 1 c (D. 316) (послѣ мѣста изъ Аристотеля)* Въ первой же книгѣ (сочиненія): „О философіи Пифагора“ онъ пишетъ, что небо (*вселенная*) едино, что оно втягиваетъ въ себя изъ безпредѣльнаго время, дыханіе и пустоту, которая постоянно разграничиваетъ мѣста, занимаемыя отдѣльными вещами.

Аристотель de caelo В. 2. 284 b 6 Такъ какъ нѣкоторые говорятъ, что у неба есть правая и лѣвая сторона, подобно тому какъ такъ называемые пифагорейцы (ибо это ученіе принадлежитъ имъ) и т. д. *Симплицій къ этому мѣсту 386, 20* Итакъ, правое они называли также верхнимъ, переднимъ и добрымъ, лѣвое же—нижнимъ, заднимъ и дурнымъ, какъ сообщаетъ самъ Аристотель въ собраніи мнѣній пифагорейцевъ.

Аристотель d. caelo В. 2. 285a 10 Поэтому-то можетъ показаться страннымъ ученіе пифагорейцевъ, что только два этихъ начала—правое и лѣвое, и опущеніе ими четырехъ (*остальныхъ*) (*именно направлений* вверхъ, внизъ, впередъ, назадъ), хотя послѣднія нисколько не менѣе существенны. *б 22* Итакъ, очевидно, что невидимое (*для насъ*) небо есть верхъ. И живущіе тамъ находятся въ верхнемъ полушаріи и на правой сторонѣ, мы же—въ нижнемъ (*полушаріи*) и въ лѣвой сторонѣ,—противоположно тому, что говорятъ пифагорейцы. Дѣло въ томъ, что они помѣщаютъ насъ вверху и въ правой части, (живущихъ) же тамъ—внизу и въ лѣвой (части). *Симплицій къ этому мѣсту 392, 18* Какъ онъ самъ сообщаетъ во второй книгѣ собранія пифагорейскихъ (мнѣній), они говорятъ, что одна часть цѣлаго неба находится вверху, другая же внизу, и нижняя часть неба лежитъ направо, верхняя налѣво, и мы живемъ въ нижней (въ верхней *испраляетъ Александръ тамъ же 392, 24*).

32. *Эвдемъ phys. fr. 27 (Симплицій ph. 431, 13 послѣ 35 А 23)* Прекрасно пиеагорейцы и Платонъ сводятъ неопредѣленное къ движенію (вѣдь никто другой не высказался о движеніи). Но именно неопредѣленно то, что не существуетъ, (*то-есть*) несовершенное и небытіе. Вѣдь оно возникаетъ, возникающее же не существуетъ.

33. *Аристотель phys. А 10. 208a 33 А* именно, одни говорятъ, что (время) есть движеніе вселенной, другіе же, (что оно) самъ (небесный) шаръ. *Азцій I 21, 1 (D 318)* Пиеагоръ: время есть шаръ объемлющаго (*міръ дыханія*).

34. *Эвдемъ phys. В. III fr. 51* Можно усумниться, возникаетъ ли само время, какъ утверждаютъ нѣкоторые, или нѣтъ... Если же повѣрить пиеагорейцамъ, то снова (*повторится все*) то же самое нумерически и я (*снова*) съ палочкой (*въ рукѣ*) буду рассказывать вамъ, сидящимъ такъ (*передо мной*), и все остальное (*снова*) придетъ въ такое же состояніе; (*такимъ образомъ*) разумъ требуетъ признать, что и время бываетъ тождественнымъ. Ибо при одномъ и томъ же самомъ движеніи, равнымъ же образомъ у однихъ и тѣхъ же многихъ (*вещей*) болѣе раннее и болѣе позднее (*будетъ*) одно и то же; итакъ, и число ихъ (*будетъ то же самое*). Слѣдовательно, все (*будетъ*) то же самое, стало-быть и время.

35. *Аристотель de caelo В 9. 290 b 12* Какъ очевидно изъ сказаннаго, ученіе, что отъ движенія (свѣтилъ) возникаетъ гармонія, такъ какъ-де (*отъ этого*) происходятъ гармоническіе звуки, свидѣлствуетъ объ остроуміи и большой учености высказавшихъ его, однако, истина не такова. А именно, нѣкоторые считаютъ необходимымъ, чтобы возникалъ звукъ отъ движенія столь великихъ тѣлъ, такъ какъ (*звукъ бываетъ*) при движеніи у насъ тѣлъ, не имѣющихъ равныхъ (*тѣмъ*) массъ и не несущихся съ такой быстротой. Когда же несутся солнце, луна и еще столь великое множество такихъ огромныхъ свѣтилъ со столь великой быстротою, невозможно, чтобы не возникалъ нѣкоторый необыкновенный по силѣ звукъ. Предположивъ это и (*принявъ*), что скорости (*движенія ихъ, зависящія*) отъ разстояній, имѣютъ отношенія созвучій, они говорятъ, что отъ кругового движенія свѣтилъ возникаетъ гармоническій звукъ. А такъ какъ казалось страннымъ, что мы не слышимъ этого звука, то (*въ объясненіе этого*) они говорятъ, что причиной этого является то, что тотчасъ по рожденіи имѣется (этотъ) звукъ, такъ что онъ вовсе не различается отъ противоположной (ему) тишины. Ибо различеніе звука и тишины относительно (*и зависитъ отъ отношенія ихъ*) другъ къ другу. Такимъ образомъ, подобно тому какъ мѣдникамъ вслѣдствіе привычки кажется, что нѣтъ никакого различія (*между тишиной и стукомъ при работѣ ихъ*), такъ и со (*всѣми*) людьми бываетъ то же самое (*при воспріятіи гармоніи сферъ*).

Александръ metaphys. 75. 15 О расположеніи небесныхъ свѣтилъ, которое пиеагорейцы составляли на основаніи чиселъ, онъ (*Аристотель*) упоминаетъ во второй книгѣ (*сочиненія*): „О мнѣніи пиеагорейцевъ“. О

расположеніи звѣздъ см. также 45 В 22, далѣе Эдемъ fr. 95 (выше 2 А 19).

36. *Азій II 29, 4 (D. 360)* Нѣкоторые изъ пифагорейцевъ, согласно изслѣдованію Аристотеля¹⁾ и сообщенію Филиппа Опунтійскаго, (учать, что затменіе луны происходитъ) вслѣдствіе отраженія лучей и загораживанія (ея) то землей, то противоземлемъ. Изъ младшаго же поколѣнія нѣкоторые держатся мнѣнія, что (*фазы луны*) зависятъ отъ постепеннаго распространенія пламени, стройно зажигающагося, пока оно не сдѣлаетъ совершеннаго полнолунія, и затѣмъ подобнымъ же образомъ уменьшающагося до полнаго затемненія (*луны*), когда оно совершенно погасаетъ.

37. *Аристотель de caelo В 13. 293а 18 (срв. 32 А 16. 17)* Между тѣмъ какъ весьма многіе говорили, что (земля) лежитъ посрединѣ... противоположное ученіе высказывали италійскіе (*философы*), такъ называемые пифагорейцы. А именно, они говорятъ, что въ центрѣ (*вселенной*) находится огонь, земля же (есть) одно изъ свѣтилъ, совершающее круговое движеніе вокругъ (этого) центра и (*тѣмъ*) производящее ночь и день. Кромѣ того, они выдумываютъ другую землю, лежащую напротивъ нашей и называютъ ее именемъ „антихтонъ“ (*противоземліе*). (*Такъ они измышляютъ, потому что*) не для явленій ищутъ основаній и причинъ, но (насильственно) прилаживаютъ явленія къ нѣкоторымъ своимъ ученіямъ и мнѣніямъ и (*такимъ образомъ какъ бы*) пытаются быть участниками въ устроеніи міра. Пожалуй, многіе другіе также держались мнѣнія, что не должно приписывать землѣ центральнаго положенія; увѣренность въ этомъ они почерпаютъ не изъ (*наблюденія*) явленій, но скорѣе изъ разсужденій. А именно, они полагаютъ, что самое почетное мѣсто должно принадлежать тому, что достойно наибольшаго почитанія. огонь же болѣе достоинъ почитанія, чѣмъ земля, предѣлъ же болѣе, чѣмъ промежуточные (*вещи*), конецъ же и центръ (*это—*) предѣлъ. *b 1* Еще же пифагорейцы (*выставляютъ*) въ качествѣ причины (*этого*) то, что самому важному (*мѣсту*) вселенной подобаешь быть наиболѣе оберегаемымъ. Таковъ центръ. Его они называютъ „стражей Зевса“; это мѣсто занимаетъ огонь, который (является) какъ бы центромъ въ собственномъ смыслѣ, будучи какъ центромъ пространственнымъ, такъ и центромъ силы и природы. Однако, подобно тому какъ въ животныхъ не тождественъ центръ (*самаго*) животнаго и (*центръ*) его тѣла, такъ скорѣе слѣдовало бы принять и относительно цѣлаго неба (*вселенной*).

Симплицій къ этому мѣсту 511, 26 Они говорятъ, что въ центрѣ вселенной находится огонь, вокругъ же центра носится антихтонъ, который тоже есть земля, называется же антихтономъ вслѣдствіе того, что находится противъ нашей земли, за антихтономъ же (расположена) наша земля, которая также и сама носится вокругъ центра. За землей же (*слѣдуетъ*) луна. Дѣйствительно, такъ онъ самъ (*Аристотель*) сообщаетъ въ сочиненіи: „О пифагорейцахъ“. Земля же, будучи какъ бы однимъ

¹⁾ Изслѣдованіе Аристотеля: „О пифагорейцахъ“.

изъ свѣтилъ, двигаясь вокругъ центра, соответственно положенію, (занимаемому ею) относительно солнца, производитъ ночь и день. Антихтонъ же, двигаясь вокругъ центра и слѣдуя за нашей землей, не видится нами вслѣдствіе того, что всегда заслоняетъ его отъ насъ тѣло земли... Тѣ же изъ нихъ, которые были допущены къ болѣе основному ученію, говорятъ, что центральный огонь—созидающая сила, оживляющая изъ центра всю землю и согрѣвающая охлажденную (часть) ея. Поэтому-то нѣкоторые называютъ его (*центральный огонь*), какъ онъ самъ сообщаетъ въ „Пифагорейцахъ“, „башней Зевса“, другіе же—„стражей Зевса“, какъ въ этомъ (сочиненіи сообщается), третьи же—„престоломъ Зевса“, какъ другіе сообщаютъ. Свѣтиломъ же они называли землю, такъ какъ и она есть орудіе времени. А именно, день производится освѣщаемой частью (ея), находящейся передъ солнцемъ, ночь же (*возникаетъ благодаря*) конусу происходящей отъ нея тѣни. Луну же пифагорейцы называли „противоземлемъ“, а также „эирной землей“.

37а. *Аристотель de caelo B 13. 293 b 18* Всѣ тѣ, которые говорятъ, что (земля) не лежитъ въ центрѣ, что она вращается вокругъ центра, и не только она, но и антихтонъ.

37б. *Аристотель Meteorol. A 8. 345 a 13* (гл. 29, 10, см. стр. 17).

37с. *Азій III 1, 2 (D. 364)* Изъ пифагорейцевъ нѣкоторые говорили, что (*млечный путь*) есть пламя звѣзды, выпавшей изъ своего основанія, (*это—*) то мѣсто, черезъ которое она кругомъ обѣжала, воспламенивъ его, во время пожара при Фаэтонѣ. Другіе же говорятъ, что вначалѣ здѣсь былъ путь солнца. Нѣкоторые же (*полагаютъ, что это—*) отраженіе солнца, отражающаго свои лучи къ небу, что бываетъ и въ случаѣ радуги въ облакахъ.

38. *Аристотель de caelo Г 300 a 14* То же самое получается и у тѣхъ, которые составляютъ небо (*вселенную*) изъ чиселъ. И дѣйствительно, нѣкоторые природу составляютъ изъ чиселъ; такъ (*поступаютъ*) нѣкоторые изъ пифагорейцевъ. Вѣдь ясно, что физическія тѣла имѣютъ тяжесть и легкость. монады же не могутъ ни черезъ сложеніе (*между собой*) образовывать тѣло, ни имѣть тяжесть.

39. *Аристотель de anima* (пер. В. Снегирева) *A 3. 407 b 20* Мыслители этого направленія стараются только объяснить, что такое душа, а относительно тѣла, ее заключающаго, они не говорятъ ничего опредѣленнаго, какъ будто всякая душа можетъ облечься въ любое тѣло, согласно съ извѣстнымъ пифагорейскимъ мнѣніемъ.

40. — — *A 2 40 4a 16* Повидимому, и ученіе пифагорейцевъ заключаетъ въ себѣ тотъ же смыслъ, потому что нѣкоторые изъ нихъ утверждали, что душа состоитъ изъ носящихся въ воздухѣ пылинокъ, другіе—, что душа есть сила, приводящая эти пылинки въ движеніе. Такое мнѣніе образовалось потому, что пылинки эти кажутся постоянно движущимися, даже въ то время, когда воздухъ находится въ совершенномъ покоѣ.

41. *Аристотель Polit. Θ 5. 1340 b 18* (пер. С. Жебелева) Почему одни изъ философовъ и утверждаютъ, что сама душа есть гармонія, а

другіе говорятъ что душа носить гармонію въ себѣ. *Срв. de anima A 4, 407 b 27 (33 A 23).*

42. Аристотель *de sens. 3. 439 a 30* Ибо цвѣтъ или находится въ границѣ (*тѣла*) или есть граница (*его*) Поэтому-то и пифагорейцы называли (*самую*) поверхность (*тѣла*) „цвѣтомъ“.

43. — — 5. 445 a 16 А то, что говорятъ нѣкоторые изъ пифагорейцевъ, не правдоподобно. А именно, они говорятъ, что нѣкоторыя животныя питаются запахами. *Срв. Діогенъ IX 43 и 55 A 28. 29.*

С. Акусмы и символы.

1. Аристотель *Anal. post. B 11. 94 b 33* И если (громы¹⁾, какъ говорятъ пифагорейцы, (*бываютъ*) ради угрозы для живущихъ въ Тартарѣ, чтобы они боялись...

2. Порфирій *V. P. 41* Онъ высказывалъ нѣкоторыя (*ученія*) символически таинственнымъ образомъ; эти (*ученія*) большею частью записалъ Аристотель, какъ, напримѣръ, что море онъ называлъ „слезой“¹⁾, Большую и Малую Медвѣдицы — „руками Реи“, Плеяду же — „лирой Музъ“, планеты — „собаками Персефоны“, звукъ же, возникающій отъ удара по мѣди, (*онъ считалъ*) голосомъ одного изъ демоновъ, заключеннаго въ мѣди. Эманъ *V. H. IV 17* Онъ говорилъ, что листъ мальвы — самый священный. Также онъ говорилъ, что число — самое мудрое изъ всѣхъ (*вещей*), а второй (*по мудрости*) — тотъ, кто далъ имена вещамъ. И онъ училъ, что землетрясеніе происходитъ не отъ чего другого, какъ отъ сраженія умершихъ, радуга же, говорилъ онъ, есть какъ бы „лучъ солнца“ и часто овладѣвающій ушами шумъ — „голосъ болѣе могущественныхъ (существъ)“.

3. Діогенъ *VIII 34 слѣд* Аристотель въ сочиненіи о пифагорейцахъ говоритъ, что онъ требовалъ „воздерживаться отъ бобовъ“ потому что они похожи на срамные члены или на врата Аида. * * * вѣдь только одно (*это растеніе*) безколѣнчатое (*Онъ требовалъ воздерживаться отъ нихъ*) или потому что (*это растеніе*) губительно дѣйствуетъ, или потому что оно подобно природѣ вселенной, или потому что оно принадлежитъ олигархіи. По крайней мѣрѣ, посредствомъ ихъ избираются (*на должностности*) по жребію. „Того, что упало (*со стола*), не поднимать“ — чтобы приучаться ѣсть умеренно или потому что это предназначено для какого-нибудь умершаго. И Аристофанъ говоритъ, что падающее (*со стола*) принадлежитъ героямъ, а именно, онъ говоритъ въ „Герояхъ“:

¹⁾ „Слезой Кроноса“ Stanley по Плутарху *de Is* p. 364 A и Климентъ *Strom V 49* (послѣ 66 B 13).